

УДК 316.334.2
ББК 60.56
Б26

СОДЕРЖАНИЕ

Рецензент:

кандидат социологических наук, доцент департамента социологии
факультета социальных наук НИУ ВШЭ
З.В. Котельникова

Б26 **Барсукова, С. Ю.** Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого [Текст] / С. Ю. Барсукова ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. — 215, [1] с. — 500 экз. — ISBN 978-5-7598-1262-3 (в обл.).

В представленных в книге 16 эссе освещаются различные аспекты неформальной экономики как деятельности в обход государственных правил. Эссе написаны в жанре рецензий на книги отечественных и зарубежных авторов, среди которых есть и сугубо академические, и публицистические. В книге обсуждаются как общемировые причины развития неформальной экономики, так и ее российская специфика, включая советский опыт, постсоветский «рэкэт», современное состояние судебной системы, характер отношений бизнеса и власти, неформальный мир труда россиян.

Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся проблемами экономики. Полезна для студентов, аспирантов, преподавателей и исследователей в области социальных и экономических наук.

УДК 316.334.2
ББК 60.56

ISBN 978-5-7598-1262-3

© Барсукова С.Ю., 2015
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2015

В.В. Радаев. В поисках утраченного жанра..... 6

Замысел книги 9

ЧАСТЬ 1. НЕФОРМАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА: ПРИЧИНЫ РАЗВИТИЯ В ЗЕРКАЛЕ МИРОВОГО ОПЫТА

Куда ведут дороги, мощенные благими намерениями государства?

(*Скотт Дж.* Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни / пер. с англ. Э.Н. Гусинского, Ю.И. Турчаниновой. М.: Университетская книга, 2005)..... 13

Развитая неформальность в развивающихся странах

(*Linking the Formal and Informal Economy: Concepts and Policies / ed. by B. Guha-Khasnobis, R. Kanbur, E. Ostrom. Oxford: Oxford University Press, 2006*) 22

Про коррупцию, или Как не стать смешным идалго, принимая ветряные мельницы за великанов

(*Борьба с ветряными мельницами? Социально-антропологический подход к исследованию коррупции / сост. и отв. ред. И.Б. Олимпиева, О.В. Паченков. СПб.: Алетейя, 2007*) 37

Приметы «нового капитализма», или Куда дрейфует экономика

(*Сеннет Р.* Коррозия характера / пер. с англ. В.И. Супруна. Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2004)..... 52

ЧАСТЬ 2. СПЕЦИФИКА НЕФОРМАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ В РОССИИ

Теневая экономика: специфика фаз в условиях раздатка

(*Бессонова О.* Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. М.: РОССПЭН, 2006) 65

Ресурсная экономика и сословная рента

(Кордонский С. Сословная структура постсоветской России.
М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008) 81

Блатной Советский Союз, или Экономика взаимных услуг

(Ledeneva A. Russia's Economy of Favours: Blat, Networking
and Informal Exchange. Cambridge:
Cambridge University Press, 1998) 97

«Новый анекдот слышали?», или Как шутили в СССР**по поводу неформальной экономики**

(Мельниченко М. Советский анекдот (указатель сюжетов).
М.: Новое литературное обозрение, 2014) 111

**ЧАСТЬ 3. НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПРАВИЛА ДИАЛОГА БИЗНЕСА
И ВЛАСТИ В РОССИИ****Российский крупный бизнес: неформально по-крупному**

(Паттэ Я.Ш., Галухина Я.С. Российский крупный бизнес:
первые 15 лет. Экономические хроники 1993–2008 гг.
М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009) 123

О правилах в боях без правил

(Панях Э. Правила игры для русского предпринимателя /
предисл. Е. Ясина. М.: Колибри, 2008) 134

**Стакан похмельного кефира, или Мемуары о неформальных
каналах сращивания бизнеса и власти**

(Кох А., Свиноренко И. Ящик водки: в 4 т. М.: Эксмо, 2005) 150

**ЧАСТЬ 4. МЕХАНИЗМ ПРИНУЖДЕНИЯ
К ИСПОЛНЕНИЮ ПРАВИЛ: БАНДИТЫ VS СУДЫ****Государство и бандиты: драма с прологом и эпилогом**

(Волков В.В. Силовое предпринимательство:
экономико-социологический анализ.
М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005) 157

Не бойтесь судей. Они сами боятся

(Горбуз А.К., Краснов М.А., Мишина Е.А., Сатаров Г.А.
Трансформация российской судебной власти.
Опыт комплексного анализа. СПб.: Норма, 2010) 176

Не судитесь, да не судимы будете...

(Астахов П. Квартира. М.: Эксмо, 2009) 187

ЧАСТЬ 5. НЕФОРМАЛЬНЫЙ МИР ТРУДА**Эмпирическая энциклопедия о жизни неформала**

(В тени регулирования: неформальность
на российском рынке труда / под ред. В.Е. Гимпельсона,
Р.И. Капелюшников. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014) 195

Зачем уходят из дома кормильцы

(Плюснин Ю., Заусаева Я., Жидквич Н., Позаненко А.
Отходники. М.: Новый хронограф, 2013) 207

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ЖАНРА

Предлагаемая вашему вниманию книга весьма необычна. И не потому, что она посвящена проблемам неформальной экономики. Конечно, значение неформальной экономики в российских условиях (и далеко не только российских) трудно переоценить. Куда ни глянешь, очень значительная часть российской экономики оказывается в «тени», не попадает в статистическую и налоговую отчетность или тщательно скрывается от контролирующих органов. Но в данном случае дело все-таки не в теме, а в том, что это *книга о книгах*. Она пытается реабилитировать и развить жанр, который в российских социальных науках, как правило, не в чести. Речь идет о жанре содержательных рецензий.

Да, было немало успешных попыток превратить рецензии в самостоятельные работы, интересные для широко мыслящего читателя и, более того, поставить их в центр читательского внимания. Прежде всего это касается гуманитарных областей (приведем яркий пример журнала «Пушкин»). Но академических журналов в социальных науках эти опыты, к сожалению, коснулись слабо. В свое время развернутые рецензии, которые не просто представляют книгу, но сами являются научными работами, пытался публиковать журнал «Вопросы экономики» (я сам написал пару таких рецензий). Но и в этом журнале рубрика то вспыхивала, то гасла — не в силу недооценки ее важности, а скорее в силу дефицита авторов, готовых подобные рецензии написать. В большинстве случаев сегодня академические журналы публикуют в своих номерах по паре кратких рецензий на вновь вышедшие книги, которые получают слишком формальными: в первой главе автор написал то-то, а во второй отметил то-то. Критической оценки работы в таких рецензиях почти никогда не встретишь. Понятно, что кто-то попросил «сделать рецензию», автор и «сделал». Читать подобные рецензии совершенно невозможно (полагаю, никто этого и не делает).

На этом фоне поразительными выглядят некоторые примеры из издательской жизни мирового профессионального сообщества. Например, если взять последние номера «American Journal of Sociology», одного из ведущих мировых социологических журналов, то в каждом номере мы обнаружим от 20 до 30 рецензий на книги. Любая из них невелика по объему (по две журнальные страницы или чуть более), но при этом включает содержательный разбор книги с нередкими критическими замечаниями. Заметим, что в качестве авторов выступают не «аспиранты на подхвате», а ведущие ученые в соответствующей области. Конечно, это предельный

случай, но он характерен, ибо обозначает серьезное отношение к жанру рецензирования.

У нас подобное отношение в академических журналах встречается редко. Во-первых, жанр рецензии сильно принижен, не считается «престижным», многие не желают тратить на него свое драгоценное время. Во-вторых, многие просто не умеют писать рецензии, отсутствует соответствующий навык. В-третьих, содержательные (т.е. критические) рецензии не хотят писать также и по другим причинам — многие авторы книг болезненно реагируют на любую публичную критику, считая ее чуть ли не личным оскорблением. Словом, у нас любят, когда хвалят, и психологически не готовы к содержательной критике, что свидетельствует о некотором дефиците академической культуры. А кому охота лишний раз нарываться на скандалы?

В результате очень немногие рецензии, к сожалению, становятся самостоятельными творческими работами, читать которые не менее интересно, чем рецензируемые книги. Слишком редко, анализируя чужую работу, делая это корректно, хотя и не без критики или даже не без скрытой иронии, автор рецензии умеет высказать собственную позицию.

Тем приятнее сознавать, беря в руки данную книгу, что перед нами именно этот случай. Автор умеет и любит писать. С. Барсуковой удалось, что бывает тоже не слишком часто, выработать свой авторский стиль. И этот стиль читатель сможет оценить по достоинству. Не случайно в 2005 г. Светлана Барсукова стала лауреатом первой Премии в области аналитической журналистики имени Никиты Кириченко (кстати, за статью по неформальной экономике), которую вручают в основном видным журналистам. Этот примечательный факт показывает, что, если одновременно владеть содержанием и пером, можно обыграть лучших журналистов на их собственном поле.

Конечно, для написания хорошей рецензии недостаточно прочесть книгу, нужно владеть более широким материалом, понимать общий контекст. И С. Барсукова этим материалом, безусловно, владеет. Она много лет читает студентам Высшей школы экономики авторский курс по неформальной экономике. В 2004 г. она опубликовала книгу «Неформальная экономика», а в 2009 г. — учебник на эту тему¹. А ее статьи, посвященные неформальной экономике, вошли в число лучших статей по итогам конкурса, проводимого журналом «Социологические исследования». Так что рецензии появлялись не случайно, они были продолжением и выражением профессионального интереса.

¹ Барсукова С.Ю. Неформальная экономика: экономико-социологический анализ. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004; Барсукова С.Ю. Неформальная экономика: курс лекций. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009.

Рецензируемые в данном издании книги очень разные. Но во всех случаях речь идет о талантливых и самобытных авторах, среди которых Джеймс Скотт и Элинор Остром, Симон Кордонский и Ольга Бессонова, Вадим Волков и Яков Паппе, Владимир Гимпельсон и Ростислав Капелюшников, ряд других известных имен.

Осталось сказать, что эта книга финансируется из средств программы развития академических журналов НИУ ВШЭ, поскольку является не только личным проектом автора, но также и проектом журнала «Экономическая социология», который несколько лет назад сделал попытку поднять жанр рецензий на надлежащую высоту. Мы хотели, чтобы у нашей аудитории возникло желание сначала прочитать рецензию, а затем прочитать и саму книгу. С. Барсукова стала ведущим автором этой рубрики, и со временем накопился хороший материал для отдельного издания. Важно и то, что за ней потянулись другие авторы, и сейчас публикация развернутых содержательных рецензий на новые интересные книги стала в журнале своего рода нормой. Развивая этот (почти) утраченный жанр и издавая данную книгу, мы хотим показать, как можно писать рецензии, если браться за дело с умом и талантом. И еще раз продемонстрировать важность хороших рецензий на хорошие книги для нашей с вами академической работы.

*В.В. Радаев,
февраль 2015 г.*

*Читать ночью на кухне —
особое удовольствие.
Моей семье, которая понимает
и прощает это.*

ЗАМЫСЕЛ КНИГИ

Неформальная экономика — это совокупность экономических практик, которые не регулируются законами, не фиксируются статистикой и не оформляются контрактами. Очевидно, что такой «скрываемый» объект возбуждает интерес. И много достойных книг написано про эту «другую» реальность. Но мы живем в цейтноте, читать толстые книги становится роскошью, доступной немногим. К тому же не все переведено на русский язык. Внимание читателей дрейфует в сторону статей, порой ограничиваясь их аннотациями. Между тем книги, в отличие от статей, знакомят не с результатами отдельных исследований, а с позицией, с целостным взглядом авторов. Мне хочется представить неформальную экономику в системе аналитических координат разных книг, разных авторов. Это первое.

И второе. Кроме книг, непосредственно апеллирующих к данной теме, в понимании неформальной экономики огромную помощь могут оказать книги, написанные, казалось бы, совсем «про другое». Формируя системное видение институциональной проблематики, роли государства и специфики его диалога с бизнесом, такие книги позволяют увидеть причины и механизмы неформальной экономики в новом свете. Например, книга С. Кордонского «Сословная структура постсоветской России», строго говоря, посвящена стратификации современного российского общества. Но подход автора, его определение принципов «ресурсной экономики» крайне продуктивны для понимания того, какова сущность теневой экономики СССР и современной России. Или, например, книги О. Бессоновой про раздаточную экономику претендуют на макротеорию общественной эволюции. Однако частным приложением этой теории может быть «раскодирование» теневой экономики России, ее циклического характера, обусловленного соперничеством раздатка и рынка как способов экономической координации. Еще один пример — книга Я. Паппе и Я. Галухиной о развитии крупного бизнеса в России, в которой нет ни одной главы, посвящен-

ной непосредственно неформальной экономике. Однако представленный в книге анализ становления крупного бизнеса исключительно продуктивен для понимания причин и форм неформальных практик в российском бизнесе. Правда, для этого нужна отдельная аналитическая работа, категорически не сводимая к простому реферированию текста.

Не стоит игнорировать также ненаучные тексты, они являются поводом для размышления. Скажем, о роли неформальных практик в работе правоохранительных и судебных органов многое можно понять из детектива П. Астахова «Квартира». А о роли неформальных институтов трудно говорить с теми, кто не читал «Ящик водки» А. Коха и И. Свиноаренко.

Важно подчеркнуть, что речь не идет о простом реферировании книг. Скорее, это творческая интерпретация проблематики неформальной экономики через аналитическую «оптику» разных авторов. К анализу привлекались только те книги, которые оценивались мною как лучшие и оригинальные в своем направлении. Чистый субъективизм в отборе, но это единственный способ получить удовольствие от чтения, которое конвертировалось в радость размышления над прочитанным. Спасибо авторам за доставленное удовольствие. Из полюбившихся книг, как из пазлов, складывалось понимание неформальной экономики. Чем и хочется поделиться с читателем.

Надеюсь, что эту книгу будет интересно читать. Я старалась писать принципиально просто и увлекательно, но без потери содержания, балансируя на грани бережной передачи позиции авторов и собственной интерпретации их взглядов. Исходила из того, что не только людям, но и текстам вредит претензия на величие. Как говорил А. Эйнштейн, «все должно быть изложено так просто, как только возможно, но не проще».

Книга писалась много лет. Точнее, замысел книги как таковой отсутствовал. Просто сошлись три обстоятельства. Во-первых, я люблю читать. Во-вторых, у меня плохая память, поэтому выработала привычку фиксировать мысли на бумаге из боязни, что не удержу в голове. В-третьих, в силу профессиональной деформации личности вижу все через «прорезь» неформальной экономики. В результате, как тупой и упорный золотоискатель, я промывала книжную руду в поисках знания о неформальном мире. Пришло время поделиться результатами.

Фрагменты этой книги были опубликованы в журналах «Экономическая социология», «Общественные науки и современность», «Социологические исследования», «ЭКО», «Свободная мысль», «Вопросы экономики», «Terra Economicus» и «Полития». Искренняя благодарность редакциям этих журналов за сотрудничество.

Отдельные слова признательности Вадиму Радаеву, который в течение многих лет позволял мне делать то, что я считала нужным. А именно: читать, думать, писать.

Часть 1

Неформальная экономика: причины развития в зеркале мирового опыта

Куда ведут дороги, мощенные благими намерениями государства?¹

Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни / пер. с англ. Э.Н. Гусинского, Ю.И. Турчаниновой. М.: Университетская книга, 2005.

Позволю себе стилистическую вольность: книга — шикарная. Без малого 600 страниц умного и интересного чтения. Автор, имея оригинальную идею, выносит ее на суд читателя не на голлом подносе формальной логики, а представляет в виде изобильного застолья, где по вкусу можно выбрать доказательства из области лесоводства, архитектурных стилей, революций, партийных баталий, аграрного производства, статистического учета, медицины и др. География иллюстраций охватывает Европу, Америку, Россию, Африку, Юго-Восточную Азию. Прибавьте дрейф во времени, и станет понятно: это более чем доказательно, это правдиво.

Основная идея книги Дж. Скотта: *власть нуждается в упрощениях практики, для чего вводит категории и законы, и неизменно подрывается на результатах своих же усилий*. Потому что нельзя быть наивной такой.

Проектная эволюция: от научного лесоводства
к социальным революциям

Прежде чем экспериментировать над обществом, попробовали «упорядочить» природу. Так родилось научное лесовод-

---

¹ Статья была опубликована в журнале «Социологические исследования», 2007, № 4.

ство. Родом из Пруссии (конец XVIII в.), оно воплотило легендарное прусское представление о порядке и красоте как единообразии и стандартизации — все по ранжиру, деревья одной породы, долой подлесок, прямые просеки вместо витиеватых тропинок. Эстетический компонент был вторичен, в качестве целевой функции выступали экономические показатели продажи древесины. И действительно, доходы от продажи древесины на первых порах научного лесоводства резко возросли. Но вскоре возникла проблема — лес стал чахнуть. Сложные биоцепочки оказались нарушены, и лес вместо источника дохода стал вместилищем колоссальных дотаций (удобрения, борьба с вредителями, необходимость новых посадок и проч.). Лишив лес разнообразия и сложности, снизили потенциал его гибкости и устойчивости.

Но «лесной урок» не пошел впрок. И вот уже идеи прусского лесоводства переходят в архитектуру: выпрямляют улицы, строят монофункциональные кварталы, вычисляют «научные» нормы потребности человека в свете, тепле, пространстве. Потребность поболтать с соседкой по формуле не вычисляется, а следовательно, не признается. Город не для жизни, а для выполнения функций становится новой архитектурной модой. Функции населения понимаются крайне утилитарно: люди должны работать, для чего им необходимо отдыхать, спать, размножаться, быть здоровыми, а это требует соблюдения гигиенических стандартов, застывших в камне. К тому же люди должны быть управляемыми, что предполагает зонирование их деятельности, а также транспортную доступность к самым удаленным точкам города в ходе административных проверок или карательных акций.

И тот же результат: из таких городов уходит жизненная сила. Лес тихо погибал. Гибелью он выражал протест против примитивного научного вмешательства, сводимого к предельному упрощению его внутренней логики. Люди как существа более живучие, к тому же наделенные волей и способностью действовать, гибнуть не торопились. Они бойкотировали архитектурные изыски, отказываясь наслаждаться видом города с высоты птичьего полета и упорствуя в желании получать удовольствие от города, вооружившись логикой и чувствами простого пешехода. И вот уже три четверти населения Бразилиа — архитектурного воплощения идеи «лучезарного города» Ле Корбюзье² —

² Архитекторами Бразилиа были Кубичек, Коста и Нимейер, однако общепринятой является точка зрения, что они реализовали эстетические взгляды и архитектурные каноны Ле Корбюзье.

поселилось в незапланированных кварталах, в то время как в запланированном городе разместилось меньше половины проектируемого населения.

Покорением пространства не ограничились. Апогеем самонадеянности реформаторов стало целенаправленное изменение общества во всех его проявлениях. Социальное проектирование столь решительно кроит новый костюм мира, что не останавливается перед кромсанием фигуры, лишь бы костюмчик сидел. Власть берет на себя смелость решать, что из нынешнего следует взять в будущее, а что — похоронить за ненадобностью. Объектами планирования становятся образ жизни, технологии ведения домашнего хозяйства, гражданская мораль, хозяйственная кооперация и политическая самоорганизация. Прусское лесоводство и русская революция представлены как звенья одной цепи маниакальной инженерии. Лес уподобляется машине по приросту древесины, города становятся машинами для жизни, а партия — машиной («локомотивом истории») втягивания масс в светлое будущее, не ими придуманное и не ими желаемое. *От перестройки живой природы к упорядочиванию пространства, а затем к моделированию общества — такова в общем виде эволюция притязаний модернистов.* У этих вех есть общие основания.

Первое: *порядок, насаждаемый властью, основывается на упрощении практики через предельное сокращение значимых характеристик объекта.* Чем меньше разнообразие объектных проявлений, тем легче этим объектом манипулировать, т.е. научно управлять. «Способы управления требуют сужения поля зрения» (с. 29)³. Признавая за лесом исключительную способность прирастать древесной массой и отказывая ему в праве и возможности быть вместилищем жизни птиц, зверей, насекомых, преградой ветру и осушителем почв, добились наилучших условий производства древесины. Успехи были столь же впечатляющи, как и временны. Видя в человеке исключительно работника, создали возможность эффективно трудиться — просчитанные до метра кухни не отвлекали от простой задачи насыщения калориями, а стерильная инфраструктура удаленных от деловых зон жилых кварталов не предусматривала другого варианта, кроме физиологического восстановления сил между рабочими сменами (что верно подмечено в названии «спальные микрорайоны»). Та же логика ограни-

³ Здесь и далее в тексте в скобках приводятся страницы рецензируемой книги.

ченной функциональности прочитывается и в узкой специализации советских совхозов и колхозов. Целевые преобразования модернистов опираются на представления об однофункциональности объекта.

Второе: *проекты по переделке общества, равно как и природы, освещены именем науки*. Преклонение перед словом «прогресс» являлось неотъемлемой чертой интеллектуального настроения XIX и XX вв. Огромные авансы, выданные человечеством науке, безусловно, были не беспочвенны: победы над многими болезнями, развитие транспорта, снятие угрозы голода — лишь начало списка благодеяний науки. Их ощутимость породила эйфорию, снимающую вопрос о пределах научного вмешательства. Общество предстало еще одним полигоном облагораживающего проектирования. Безграничная вера во всемогущество науки не позволила вовремя остановиться. Модерн, устремленный в будущее, оказался довольно безжалостным к настоящему. Западоцентризм науки заклеил иные порядки хозяйствования, сложившиеся в развивающихся странах, как варварские и отсталые.

Третье: *для осуществления масштабных проектов преобразования общества нужна авторитарная власть*. Общество защищается от попыток его «облагородить», и единственный шанс сломить его самооборону — это лишить его институциональных форм самовыражения (свободы слова, институтов гражданского общества, парламентаризма). К тому же «проекты века» дорогостоящи, добиться согласия налогоплательщиков на их осуществление не просто. Идеальна модель власти, гарантирующая беспрекословность масс. Дистанция формального порядка от неформальной практики тем больше, чем меньше демократии. Не случайно мировые архитектурные авангардисты мечтали сотрудничать с советской властью или с амбициозными правителями развивающихся стран, готовыми вести летоисчисление «с нуля». Самые решительные реконструкции Парижа пришлось на правление Луи Бонапарта, а сторонники гигантских индустриальных агрофирм, в первую очередь американцы, завидовали возможностям советских коллег, создающих новый аграрный порядок в ходе коллективизации. Только авторитарная власть могла предоставить модернистам площадку под эксперименты, словно выровненную бульдозером. В других условиях преобразования надо было вписывать в уже существующий контекст, адаптировать к традициям, учитывать готовность населения к нововведениям. Вряд ли что-то раздражало преобразователей больше, чем эти ограничения. И отношение к ним было как к песку в двигателе устремленной в будущее машины. Показательно, что Ле Корбюзье

называл строительство в уже сложившемся архитектурном ансамбле «ортопедической архитектурой». Для полного счастья ему не хватало дружбы с советским правительством.

Понятие высокого модернизма

У Скотта важную концептуальную нагрузку несет понятие *высокого модернизма*⁴. «Высокий модернизм есть особая, подчеркнутая уверенность в перспективах применения технического и научного прогресса — обычно при посредстве государства — в каждой области человеческой деятельности» (с. 152–153). Его черты:

- космополитизм, вера в возможность и целесообразность решительного разрыва с историей и традицией⁵;
- стандартизация проектов, их опора на «муляжи физической и социальной среды»⁶;
- безоговорочная вера в науку, ее превосходство над живой практикой в определении того, как надо хозяйствовать;
- опора на государственную власть как главный ресурс реализации модернистских планов;
- особая эстетика как «квазирелигиозная вера в наглядный символ порядка», воспевание простых форм, пронизанных идеей запланированности и восприимчивости к управлению⁷;
- устремленность в будущее, огромный энтузиазм и революционная гордость преобразователей;
- отсутствие связи с конкретным политическим направлением, принципиальная возможность существовать при разных политических режимах, в разных политических версиях и риториках.

⁴ Скотт заимствовал термин «высокий модернизм» у Дэвида Харви, который относил высшую точку этого вида модернизма к концу Второй мировой войны.

⁵ Проект Москвы, отклоненный советскими чиновниками, Ле Корбюзье без всякой переделки представил для центра Парижа. Он лишь удалил все ссылки на Москву. В Москве «планировщик мечты» построил здание Центрального союза потребителей (Центросоюз).

⁶ Замечательный пример, как три американских проектировщика спланировали советский совхоз за пару недель в чикагском гостиничном номере. Этот эксперимент — совхоз «Верблюд», основанный в 1928 г. под Ростовом-на-Дону, — завершился полным провалом.

⁷ «Допущение состоит в том, что если что-то выглядит правильно, то в силу этого факта оно и работать будет хорошо» (с. 356).

По мнению Скотта, еще в XVIII в. европейские государства имели весьма скромные притязания на навязывание обществу собственных схем. Это были лишь «добывающие механизмы», извлекающие доход, провиант и призывников. Укрепление государственности подогрело амбиции, породив комплекс Демиурга, так как силовая, фискальная и административная монополии государства создавали реальные возможности реализации самых смелых планов. Социальный порядок, ранее принимаемый властью как данность, стал предметом активного проектирования в соответствии с рациональными, научными критериями. Отличие высокомодернистского государства от своего предшественника состояло в переходе *от описаний* и обзрений общества *к предписаниям* и усилиям по их реализации. Эволюция примерно следующая: контроль за обществом как данностью породил упрощающую категорию *средних* показателей, затем среднее приобретает статус *нормального*, а затем сциентизм корректирует нормальное в *нормативное* состояние. Высокий модернизм сводится к *переделке* мира; скептицизм по поводу этого впоследствии составит суть постмодерна.

Препятствия радикальным версиям высокого модернизма в западных обществах имели различную природу. Так, ограничениями безудержных попыток государства реформировать общество на основе гипертрофированной уверенности в научно-техническом прогрессе выступали:

- неприкосновенность частного мира как ценность либерального мировоззрения;
- общественное сопротивление, реальное или потенциальное;
- роль частного сектора в классической политической экономике;
- неизбежно возникающая коррупция;
- низкая экономическая эффективность многих реализованных модернистских фантазий.

По поводу последнего пункта надо сделать оговорку. Скотт считал централизующий высокий модернизм абсолютно оправданным для решения таких задач, как освоение космоса, планирование транспортной сети, контроль эпидемий и проч. Более того, даже колхозы могли быть эффективными, если ограничивались выращиванием зерновых культур. Но они оказались неэффективны при работе с «мелкобуржуазными» фруктами, овощами, цветами и проч., требующими оперативности и гибкости реагирования, личной заинтересованности и высокой опытности. Таким образом, разговор идет не об отрицании

модернистских проектов вообще, а об их *избирательной эффективности*. Как общее правило: чем более приближен реальный объект к его аналитически упрощенному образу, тем проще и эффективнее его целенаправленное изменение. Наоборот, чем сложнее и разнообразнее реформируемый мир, тем утопичнее надежды на его эффективную переделку. XX в. показал возможности человека в покорении космоса и полную несостоятельность попыток превратить плененных крестьян в эффективных производителей. Опыт России дополнен историей «плановых деревень» Танзании и Эфиопии.

Игра важнее, чем правила игры

Книга провоцирует размышления о соотношении формальных и неформальных институтов. Поделюсь ими.

1. *Формальные правила, даже если они не выражают проектного замысла, являясь всего лишь законодательной фиксацией сложившегося порядка, порождают конфликт Закона и Практики.*

Стало социологическим трюизмом, что «привнесенные» (имплантируемые) институты, вытекающие исключительно из проектных устремлений власти, а не из сложившейся практики, — чужеродны и обществом отторгаются. Менее осмыслен факт, что кодификация выработанных практикой (т.е. «своих») институтов — процесс не менее конфликтный, требующий значительных силовых и политических инвестиций.

Дело в том, что кодифицировать можно не практику вообще, а лишь ее *конкретный* вариант. Но вариантов — бесконечное разнообразие, поскольку их эффективность исключительно *контекстуальна*. Иными словами, наработанные способы ведения хозяйства и разрешения хозяйственных коллизий хороши или плохи не сами по себе, а строго в зависимости от контекста их использования. Контекстуально обусловленное множество практик контрастирует с идеей универсальности закона. Именно поэтому *кодификация — это всегда вопрос политический*, поскольку власть реализуется в праве выбирать «наилучший вариант» из всего существующего в практике: «...те, кто формулирует эти правила, расширили свою власть и, соответственно, уменьшили власть всех прочих» (с. 474). Так возникает — если воспользоваться метафорой Скотта — «институциональная смиренная рубашка государственного образца».

Но даже если предположить, что мир вдруг стал примитивно однородным, остается еще одна трудность — изменчивость мира, его дина-

мизм. Формальный институт — это кодификация уже сложившегося порядка. Пластичные неформальные правила получают шанс на формализацию не ранее, чем станут распространенными и устойчивыми. Таким образом, конфликт Закона и Практики вытекает не из «дурной природы» человека, а из принципиальной невозможности кодифицировать неформальные правила, не лишив их при этом разнообразия, контекстуальности и пластичности.

2. Формальные институты могут работать исключительно при условии их неформальной коррекции, т.е. формальные нормы паразитируют на неформальной практике.

Яркий пример — советские колхозы. Село выживало за счет деятельности, не только не предусмотренной, но категорически запрещенной плановыми органами. В личных подсобных хозяйствах рачительно оприходовали все, что можно было своровать в колхозах (удобрения, корма, бензин, рабочее время и проч.). Да и сами колхозы смягчали плановые тиски за счет теневых импровизаций и бартера. Социальный и экономический крах предотвращался внеплановыми, а иногда и незаконными действиями.

Упрощенная кодификация в принципе не способна воспроизвести функционирующее сообщество. Формальный контур порождает «неформальную тень», реализующую его различные внеплановые потребности. «Чем больше претенциозности и настойчивости в официально изданном приказе, тем больший объем неформальных методов необходим, чтобы поддерживать эту фикцию» (с. 404). На этом держатся так называемые «итальянские забастовки», блокирующие деятельность предприятий за счет четкого и неукоснительного соблюдения формальных правил.

3. Исход формальных новаций всегда неопределен, а неформальное «эхо» может быть значительнее по социально-экономическим последствиям, чем породивший его формальный повод.

Показательно введение во Франции времен Директории налога на «двери и окна», чтобы упростить взимание пошлины с площади жилья. В результате дома стали строить и перестраивать так, чтобы было как можно меньше окон. Это вошло в строительную практику крестьян. Налог был отменен, а влияние духоты на здоровье сельского населения продолжалось более столетия.

Государство и общество находятся в постоянном состязательном диалоге. Государство упрощает, стандартизирует, гомогенизирует практику, загоняя ее в формат категорий и законов ради того, чтобы

сделать ее доступной для контроля и управления. Общество же демонстрирует способность «изменять, ниспровергать, затормаживать и даже уничтожать навязанные сверху категории» (с. 78). На каждый тезис власти находится антитезис шумного и неупорядоченного реального мира. При этом закон может быть аннулирован, а порожденная им неформальная практика войдет в корпус обычаев, не подвластных расчерку пера правителя.

* * *

Закончить хотелось бы извинениями перед Дж. Скоттом и читателями: книга гораздо сложнее и интереснее, чем мои размышления о ней. Это подтверждает правоту автора: любое структурированное представление опирается на упрощение исходного материала. Выработка же упрощающей оптики — вопрос властных полномочий. В данном случае реализовано мое право рецензента. Единственный способ противостоять моим интерпретациям — читать книгу Скотта.

Развитая неформальность в развивающихся странах

Linking the Formal and Informal Economy: Concepts and Policies / ed. by B. Guha-Khasnobis, R. Kanbur, E. Ostrom. Oxford: Oxford University Press, 2006. 294 p.

Авторы книги пытаются найти алгоритм наиболее эффективной связи формальной и неформальной экономики для развивающихся стран. Дело в том, что поддержка неформального предпринимательства остается ключевой возможностью снижения бедности в этих странах. *Формальное право* — это идея того, как должно жить общество в понимании бюрократии, идея подчинения писаному правилу. *Неформальное правило* — самостоятельно сформированное и закрепленное в нормах и обычаях представление людей о способах решения жизненных коллизий. Вопрос в том, можно ли создать эффективное партнерство *самоорганизации и бюрократии*.

Книга представляет собой сборник статей, посвященных неформальной экономике развивающихся стран. Это Индия, Лима, Вьетнам, Либерия, Индонезия, Южная Африка, Мозамбик, Боливия. Укрепление формального порядка в одних странах проходило через расширение сферы государственного вмешательства (интервенция вширь), в других — через усилении роли государства в уже регулируемых сферах (интервенция вглубь).

Главный вывод книги: *нет достаточного основания считать, что формализация однозначно улучшает или ухудшает социально-экономическое положение страны*. Иными словами, государственная интервенция на неформальную экономику может быть оценена в терминах «больше» или «меньше», но это не имеет однозначного соответствия в терминах «лучше» или «хуже».

Книга состоит из двух частей, посвященных теории и эмпирике соответственно. Моя задача — представить читателям идеи, которые содержатся в книге, опираясь преимущественно на теоретическую часть.

От «неформального сектора»
к «неформальной экономике»

Тезис 1. Ранняя концепция «неформального сектора» перешла в расширенный концепт «неформальной экономики», являющейся не периферийным элементом, а базовым компонентом экономики не только развивающихся, но и развитых стран.

Об этом считают своим долгом написать практически все авторы сборника. Кратко история возникновения термина и его эволюция выглядит так.

Еще в 1940-е годы датский антрополог Юлиус Буке высказал идею о «дуальности» экономики развивающихся стран, лишь одной своей «частью» уподобленной «нормальной» рыночной экономике¹. В 1950-е годы Артур Льюис разработал двухсекторальную модель развития, выделив сектор современных капиталистических фирм с ориентацией на максимизацию прибыли и сектор крестьянских хозяйств, где крайне неоднозначны и разнообразны способы хозяйственной мотивации и принципы распределения². Попытка использовать эту схему в эконометрике связана с работами Джона Харриса и Майкла Тодаро, которые довели идею дуальной экономики до уровня двухсекторальной системы уравнений экономического равновесия³.

В 1963 г. Клиффорд Гирц, изучавший предпринимательство в Индонезии, ввел понятие «базарной экономики» (*bazaar-type economy*) в противовес «фирменной экономике» (*firm-type economy*) как экономике крупных западных корпораций, обеспечивающих работников защитой закона⁴. Национальная бюрократия видела в этих фирмах средство защиты от рыночных «провалов», создавая возможности монопольного господства на рынке этих стран. Напротив, «базарная экономика» была индивидуалистичной и конкурентной. Позднее в работах, посвя-

¹ Boeke J.H. The Structure of Netherlands Indian Economy. N.Y.: Institute of Pacific Relations, 1942.

² Lewis A.W. Economic Development with Unlimited Supplies of Labour // Manchester School. 1953. No. 22 (May). P. 139–191.

³ Harris J.R., Todaro M.P. Migration, Unemployment and Development: A Two-sector Analysis // American Economic Review. 1970. Vol. 60. No. 1. P. 126–142.

⁴ Geertz C. Peddlers and Princes: Social Change and Economic Modernization in Two Indonesian Towns. Chicago: University of Chicago Press, 1963; Гирц К. Базарная экономика: информация и поиск в крестьянском маркетинге // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 2. С. 54–62.

щенных Марокко, Гирц подчеркивал, что современная экономическая наука использует именно «базарную модель» при изучении принятия решений на конкурентных рынках, тогда как на практике бюрократия развивающихся стран активно защищает монополии.

Введение в научный оборот термина «неформальный сектор» связано с исследованиями К. Харта. В 1971 г. Харт делает доклад «Городская безработица в Африке». На примере Ганы он описал стратегии занятости значительных групп людей, не вовлеченных в организованный государством и корпорациями рынок труда. Основной посыл работы: бедные в Аккре не являются безработными. Это было новостью, поскольку крупные компании предоставляли очень ограниченное число рабочих мест, и соответственно экономисты оценивали безработицу в Африке на уровне 50% и выше. Харт шутит, что воображение рисовало картину Америки времен Великой депрессии с понурыми нищими на улицах (р. 24). Но улицы Аккры были полны жизни. Толпы уличных торговцев, носильщиков, таксистов были заняты делом. Неформальная экономика по сути была самоорганизацией людей, исключенных из участия в пользовании благами, гарантированными государством, и создавшими свои собственные способы выживания.

Идеи Харта восприняли настолько быстро, что отчет Международной организации труда (International Labour Organization — ILO), использующий эту концепцию в Кении, вышел раньше (в 1972 г.), чем сам Харт опубликовал свою работу по Гане (в 1973 г.)⁵.

Довольно интересен с точки зрения развития науки вопрос: почему идеи Гирца проигнорировали, а работу Харта оценили столь высоко, что он стал фактически основателем целого направления исследований? Думается, тому есть несколько причин. Начнем с того, что Харт публицистически ярок⁶. Далее, по его собственному мнению, он смог вызвать интерес экономистов, потому что представил свою этнографию на их языке. И самое, пожалуй, важное: Харт не просто описал явление, но дал ему принципиальную оценку. Он «оправдал» неформальный сектор. И сделал это в 1970-е годы, когда общепризнанным было суждение, что единственным институтом, способным мобилизо-

вать экономические ресурсы, является государство. На этом настаивали и марксисты, и кейнсианцы. Либеральные экономисты тогда были не в моде. Харт «открыл» ту реальность, в укреплении которой силами современного государства заложен ключ к политической стабильности и экономическому росту развивающихся стран. Идеи Харта были восприняты как руководство к действию, и дискуссия приняла практический характер, фокусируясь вокруг вариантов помощи неформальному сектору развивающихся стран.

В 1980-е годы происходит сдвиг в экономической доктрине. Растут сомнения в разумности государственного регулирования (политика Рональда Рейгана, Маргарет Тэтчер). Начинается абсолютизация саморегулятивного потенциала рынка. В эти годы исследования неформальной экономики распространяются на развитые страны, разрушая традицию отождествления неформальности с отсталостью. Тема неформальной экономики получает второе рождение, но уже не как сектора, а как правил игры, имеющих место в любой организационно-правовой среде, иными словами, начинает преобладать институциональный аспект анализа.

Развитию исследований неформальной экономики способствовал интерес к структуре реального управления экономикой социалистических стран. Получает признание точка зрения, что плановая экономика во многом жизнеспособна благодаря внеплановым регуляторам, умению хозяйственников амортизировать жесткость директив неформальными договоренностями между собой и с властными органами.

Когда же в 1990-е годы соцлагерь распался, на авансцену вышла тема взаимоконвертации формальных и неформальных институтов в ходе так называемого транзитного периода, а также тема коллапса государственности во многих странах третьего мира. Почти вся экономика некоторых стран становится неформальной.

Таким образом, концепция «неформальной экономики/сектора», зародившаяся в дискуссии 1970-х годов о городской бедности стран третьего мира, перешла в статус универсальной темы. Стало ясно, что формальные правила с необходимостью абстрактны, и жизнь выходит за их рамки. Этот выход возможен как за счет существования «неформальной зоны», так и в виде неформальных практик внутри формальной сферы. Практики кажутся неформальными, поскольку со стороны не видны их регулятивные основы.

«Неформальная экономика ныне рассматривается как универсальное свойство индустриальных стран и охватывает от домашнего

⁵ Hart K. Informal Economy Opportunities and the Urban Employment in Ghana // Journal of Modern Africa Studies. 1973. Vol. 11. No. 1. P. 61–89.

⁶ Оцените, как Харт начинает свою главу: «Большинство читателей этой книги живут внутри формальной экономики. Это мир зарплат, пенсий, медицинских страховок, кредитных договоров... и летнего отпуска у моря» (р. 21).

самообеспечения до криминализации экономики» (р. 27). Сам Харт, известный исследованием нерегистрируемой самозанятости, ныне пишет, что сосредоточился на изучении домашних организаций, дружеских сетей, добровольных ассоциаций, на коррупции и политических связях (р. 33). Независимость от государственного регулирования как главная черта неформальной экономики объединяет такие разные практики, как домашнее хозяйство, уличная торговля, криминал, политическая коррупция, сети взаимопомощи и проч.

Старый и новый взгляды на неформальную экономику (НЭ) можно представить следующим образом (р. 81):

Старый взгляд на НЭ	Новый взгляд на НЭ
Отомрет по мере индустриализации	Расширяется по мере экономического роста
Маргинальное пространство	Основное место поиска работы, а также производства товаров и услуг для низкодоходных групп. Значительная доля в ВВП
Существует отдельно от формальной экономики	Связана с формальной экономикой, в том числе через субконтракты
Резервация для избыточного труда	Неформальная занятость растет не из-за избытка рабочей силы, а в результате сокращения формального найма через разнообразные способы его деформализации
Охватывает уличных торговцев и мельчайших производителей	Широкий спектр: от временных работников в агробизнесе до надомников, привлекаемых крупными фирмами
Неформальные предприниматели не регистрируют бизнес, чтобы избежать контроля и налогообложения	Неформальные предприниматели заинтересованы в легализации при условии снижения барьеров входа в легальное пространство и роста выгод от регистрации. Большинство наемных неформальных работников стремится к легализации ради роста стабильности и гарантированности трудовых прав
Арена выживания бедных	Включает широкий спектр предприятий, в том числе стабильных и быстро растущих

Две исследовательские перспективы: секторальная и институциональная

Тезис 2. *Существуют конкурирующие исследовательские перспективы изучения формального и неформального порядка: секторальная и институциональная.*

Тему неформальной экономики характеризует отсутствие ясных определений, сквозных для корпуса теоретических и эмпирических исследований. Неформальную экономику как только ни называли — параллельной, подпольной, второй, скрываемой, серой, нерегулярной, неизмеримой, нерегистрируемой, неофициальной и еще около десятка названий. Пожалуй, нет другой области знаний, где было бы такое вольное обращение с терминами. Противопоставление «формальное — неформальное» зачастую используется как метафора. Однако множество различных трактовок неформальности сводится к двум принципиально различным подходам (р. 4).

1. **Структурный подход** рассматривает неформальную экономику как хозяйственную деятельность, расположенную за пределами формальной экономики. Это нерегулируемая деятельность, ускользающая от государственного контроля, учета и налогообложения. В этой традиции неформальность является ответом на административное и фискальное принуждения со стороны государства. Отсюда вытекает дискуссия об уровне допустимого регулирования. Главный проверочный тест — правильно ли осуществлена формализация — это то, приходят ли люди в «зону», регулируемую государством, или бегут из нее. Иными словами, хотят оказаться «внутри» или «вне» регулируемой государством системы.

2. **Институциональный подход** трактует неформальную экономику как совокупность неформальных правил, регулирующих наряду с формальными нормами хозяйственную практику. При таком подходе неформальная экономика рассматривается не как фрагмент реальности (структурный подход), а как универсальная характеристика экономической практики. Институциональный подход не предполагает выделение «зоны» неформальной экономики, но указывает на «сквозной» характер неформальных институтов, сосуществующих с формальными институтами. Неформальность рассматривается не как тип хозяйствования, локализованный по определенному принципу, а как характер экономических отношений, не ограниченный неким ареалом и принципиально возможный и необходимый в любой хозяйственной организации, при любой форме экономической деятельности.

Авторы книги явно делают акцент на изучении степени подчинения государству, степени контроля «извне», отодвигая на второй план вопрос о природе и качестве неформального регулирования «внутри» как регулятивной основы не прописанных ролей и структурных позиций. Нужно сказать, что большая часть авторов не рефлексирует

различие исследовательских перспектив, воспринимая секторальный вариант как единственно возможный.

Если «отцом» секторального подхода был К. Харт, то концепция неформальности как институциональной исследовательской перспективы связана с работами Д. Норта. Он определил институты как ограничения, которые структурируют политические, экономические и социальные взаимодействия. Институты делятся на неформальные, суть которых в самопринуждении (self-enforcing), — например, табу, традиции, коды поведения, конвенции, и формальные, которые создаются и поддерживаются государством, — писанные законы. Роль институтов состоит в снижении неопределенности посредством установления стабильной (и необязательно эффективной) структуры взаимодействия.

Норт отмечал, что индивид совершает выбор между множеством норм различной природы и признает более вескими те нормы, которые соответствуют данной ситуации. Индивид рационален в том смысле, что он минимизирует когнитивные издержки ментального процесса в условиях ограниченной информации. С точки зрения индивида, тот факт, что правила формальны, т.е. исходят от государства, не определяет однозначно доверия к ним в данной конкретной ситуации.

Институциональный подход не предполагает выделения сегментов, но формирует «пронизывающее» исследование экономической реальности с целью поиска ее формальных и неформальных регуляторов.

В отличие от структурного подхода, где формальная и неформальная экономики рассматриваются как отдельные эмпирические объекты, хотя и связанные функционально, но имеющие разные внутренние логики развития, институциональный подход акцентирует внимание на соотношении бюрократического управления и социальной самоорганизации, на природе и качестве неформальных институтов как регулятивной основы не прописанных ролей и структурных позиций.

Неформальный сектор как статистический артефакт

Тезис 3. Занятость в неформальном секторе не является неформальной занятостью; неформальный сектор в статистической традиции утратил содержательное единство с аналитическим смыслом, изначально присущим концепции неформального сектора.

Как отмечал Харт, основное отличие неформальных самозанятых от оплачиваемых наемных работников состоит в степени рационализации характера их деятельности и, как следствие, ее *регулярности и стабильности* (р. 25). Для Харта принципиальное значение имеет природа дохода: формальные доходы регулярны и стабильны, неформальные (легальные и нелегальные) — нет. Люди пытаются сочетать эти типы доходов.

Изначальное определение методом от противного (не/формальный сектор) стараниями последователей выродилось в набор позитивных характеристик: низкий уровень организации, случайная занятость, слабая механизация, личные отношения вместо контрактных обязательств, малый размер и проч. В 1996 г. Моррисон и Мид выявили весьма слабую связь между различными измерительными техниками, основанными на размере, регистрации, уплате налогов и выполнении трудового законодательства⁷.

Харт с явным неудовольствием пишет, что экономисты перевели термин «неформальный сектор» в количественные показатели: мало-масштабный, низкопроизводительный, низкодоходный, слабомеханизированный, в то время как он «подчеркивал природу дохода, наличие или отсутствие бюрократической формы» (р. 26).

Сказалась трудность приведения аналитического концепта к статистическому. Окончательно неформальность исчезла в понятии «неформальный сектор», когда его стали определять согласно резолюции XV Международной конференции статистиков труда (1993 г.). Именно тогда *закрепилась операционализация неформального сектора, основанная на характеристике предприятий, а не отдельных рабочих мест*. Такой «неформальный сектор» в принципе не может улавливать неформальную занятость, так как фирма может быть неоднородной внутри (формальные и неформальные работники могут сотрудничать в рамках одной организации), а подсчет ведется на уровне предприятий. В результате возник разрыв между неформальным сектором как артефактом национальной статистики, позволяющим проводить межстрановые сравнения, и традицией содержательной (хартовской) трактовки этого термина. Ведь Харт писал о неформальной активности как возможности для бедняков заработать вне регулируемой системы официального найма.

⁷ Mead D., Morrisson C. The Informal Sector Elephant // World Development. 1996. Vol. 24. No. 10.

Работники и предприятия движутся по континууму формальная — неформальная занятость в зависимости от обстоятельств или занимают несколько позиций одновременно. Например, официально трудоустроенный работник имеет неформальную подработку.

В одной из глав книги особенно детализированно проводится мысль, что *неформальная занятость имеет место как внутри, так и вне неформальных предприятий* (ch. 5). Другими словами, неформальная экономика должна рассматриваться не только с точки зрения характера предприятий (не регулируются государством), но и с точки зрения характера найма (не защищены трудовым правом). Это приводит к формуле: *неформальная занятость = неформальные предприниматели, преимущественно самозанятые, и семейный бизнес + бесконтрактный найм на формальных и неформальных предприятиях*. Доли этих слагаемых в развивающихся странах — 60 и 40% соответственно (р. 83).

Новые формы организации бизнеса позволяют формальным фирмам расширять зону неформального найма:

- в рамках «стоимостных цепей» (субконтрактных отношений) фирма объявляет, что с остальными звеньями цепи у нее лишь коммерческие отношения, которые не лежат в области трудовых отношений этой фирмы;
- отношения найма не безусловны (например, при взятии товара на реализацию);
- найм безусловен, но нет ясности, кто выступает в роли работодателя (например, временный найм через агентство);
- перенос субконтрактных подразделений в третий мир с устойчивой традицией неформальности.

Таким образом, статистика, фиксирующая состояние неформального сектора, ни в коей мере не может служить основой нашего знания о неформальной занятости.

Дихотомия versus континуум

Тезис 4. *Континуум формального — неформального более продуктивен как исследовательская модель, чем жесткая дихотомия.*

Пожалуй, ни одна мысль не повторяется в книге так часто, как призыв видеть в паре формального и неформального не дихотомию, а полюса континуума.

Изначально с критикой против дихотомии формального и неформального выступил Р. Бромли⁸. Его критика концепции «неформального сектора» Харта была довольно развернутой и обстоятельной. Основными критическими замечаниями были следующие: во-первых, жизнь не сводится к этим двум вариантам, являя собой континуум состояний, и, во-вторых, концепция практически не дает выхода на изучение отношения и взаимодействия неформального сектора и остальной экономики. Один из защитников идеи неформального сектора Липтон привел свои возражения на эту критику: во-первых, не следует отождествлять аналитическое разделение с реальностью, и, во-вторых, эта изоляция — не свойство концепции, а сложившаяся традиция ее применения⁹. Кроме того, критика дихотомии с научной точки зрения не отрицает удобства ее использования в системе социальной политики. «Неформальный сектор» представлялся выделенным, относительно изолированным и оттого удобным объектом приложения помощи. Иными словами, дуальность формального — неформального слишком прочно интегрирована в политическое управление, чтобы ставить вопрос о правомочности концепции.

Однако обилие эмпирического материала, приведенного в книге в виде национальных кейсов, доказывает, что нет дихотомии формального и неформального секторов, а есть их отраслевые и региональные континуумы, и подвижка состояния на них может пойти как на пользу, так и во вред бедным странам.

Важную мысль высказал в связи с этим К. Харт: формальное и неформальное существуют отдельно, когда мы используем понятие «сектор». Это подразумевает, что они имеют разные локализации. Но как только мы включаемся в дискуссию о бюрократическом и небюрократическом управлении, то выходим на неразрывность формального и неформального порядков как институционального аспекта анализа (р. 22).

В доказательство того, что формальное и неформальное диалектически связаны, Харт приводит забавный пример: правящие и деловые элиты ассоциируются с мужским костюмом, но этот стиль был выбран

⁸ Bromley R. Organization, Regulation and Exploitation in the So-Called "Urban Informal Sector": The Street Traders of Cali // World Development. 1978. Vol. 6. No. 9/10. P. 1161–1171.

⁹ Lipton M. Urban Bias Revisited // Journal of Development Studies. 1984. Vol. 20. P. 139–166.

в 1920-е годы как неформальная протестная альтернатива смокингу (р. 29). Диалектика замыкает круг.

Автор другой исследовательской перспективы — институциональной — Д. Норт также оперировал дуальной конструкцией, проводя довольно четкое аналитическое разделение между формальными и неформальными институтами. Первые — результат сознательного конструирования бюрократической власти, вторые — результат спонтанного взаимодействия людей. Неразрывность тандема формального и неформального следует хотя бы из того, что сама «неформальная экономика» порождена институциональными усилиями организовать общество по формальным схемам. По Норту, формальные институты гарантируются законом, а неформальные поддерживаются «приватно», через личные взаимодействия и механизм репутации.

Однако очевидно, что в развитых странах доверие к фирме, ее репутация защищают ее интересы не меньше, чем закон. А положение человека в неформальной сети существенно зависит от формальных признаков его материальной и интеллектуальной состоятельности. Следовательно, неформальное не может быть сведено к доверию, а формальное не может сводиться к писаному и гарантированному государством. Таким образом, нет однозначной поляризации формальных и неформальных институтов. Скорее имеет место *континуум действий, опирающихся на разные механизмы поддержки доверия и модели принуждения к исполнению.*

Влияние качества институтов на результат регулирования

Тезис 5. Рост государственного регулирования ведет к уменьшению экономического роста и увеличению неформальности. Но при высоком «качестве власти» этой связи может не быть.

Этот тезис отрабатывается на данных кросскультурного сравнения (ch. 7). Выборка — 75 стран, в том числе 22 развитые и 53 развивающиеся. Используются данные конца 1990-х годов.

Авторы строят *индексы регулирования бизнеса* для стран, вошедших в выборку. Эти индексы отражают степень регулирования государством таких аспектов бизнеса, как вход на рынок, торговые барьеры, финансовый рынок, контрактное право, банкротство, рынок труда, фискальное регулирование. Затем проводится корреляционный анализ данных индексов (их усредненного значения) со средним до-

ходом стран. Выясняется, что эти индексы отрицательно влияют на величину ВВП. Исключение составляет фискальное регулирование, положительно коррелирующее с доходом стран, что неудивительно, поскольку в богатых странах выше налоги.

Далее по трем показателям — уровень политической коррупции, законности и демократии — строится *индекс «качества власти»* (governance index; данные берутся из International Country Risk Guide), который, как выясняется, имеет тесную связь с доходами стран.

Но главные выводы («момент истины») приходится на регрессионный анализ. Строятся две регрессии: отдельно для ежегодного роста ВВП и размера неформальной экономики, определяемой по критерию избегания регуляции. Речь идет о скрывающейся неформальной экономике, поэтому данные о ней берутся не из статистики, собираемой по методике Международной организации труда (МОТ), а из межстранового сравнительного исследования, проведенного под руководством Ф. Шнайдера. Что получается?

Все виды регулирования, кроме фискального, негативно влияют на экономический рост. Но если «качество власти» высокое, то негативного воздействия регулирования на экономический рост практически не наблюдается.

Регулирование ведет также к расширению неформальности. Иными словами, чем больше регулирования, тем больше скрывающаяся неформальная экономика. Но с ростом индекса «качества власти» эта связь ослабевает (например, в Японии, Испании и Греции). Что касается фискального регулирования, то при высоком значении индекса «качества власти» рост фискального регулирования ведет к уменьшению неформальности. Этот парадокс авторы объясняют через создание новых общественных благ и усиление налоговых органов. Но по мере «ухудшения власти» влияние фискального регулирования на неформальную экономику ослабевает. Так, при очень низком уровне этого индекса (например, в Колумбии и Пакистане) фискальное регулирование практически не влияет на неформальную экономику: хоть поднимай налоги, хоть опускай, граница теневой экономики не сдвинется.

Таким образом, рост регулирования вызывает замедление экономического роста и расширение неформальной экономики. Однако качество регулирования, понимаемое как институциональная основа демократии, законности и политической конкуренции, имеет огромное значение. В тех странах, где по оценке Мирового банка институты

характеризуются как более «правильные», регулирование может быть довольно эффективным. В других странах те же регулирующие меры ведут к развалу экономики — ее теневилизации и замедлению экономического роста¹⁰.

Ситуационная привлекательность формальных правил

***Тезис 6.** Государственные правила (формальные институты) могут вызывать меньшее доверие в некоторых развивающихся странах (читай — при слабом государстве), чем неформальные институты. Предпочтительность формальных правил — результат сложной констелляции экономических, политических, культурных и идеологических факторов.*

Мне казалось, что доказывать это — все равно что ломиться в открытую дверь. Но авторы не жалеют сил, пытаюсь на многочисленных примерах показать, что при определенных условиях рациональный субъект может предпочесть неформальный контракт формальному. И что неформальный контракт может быть более эффективным: например, неформальный кредитор получает долги быстрее, чем формальный через суд. И что формальные нормы могут «разъедаться» неформальными или быть «захваченными» ими. Для российских исследователей это едва ли новый ход. Порой читать неловко, настолько такие ситуации многократно описаны. Но это на уровне теории. Эмпирика же вполне достойна внимания, поскольку наше знание «неформального» зарубежья, как правило, ограничивается бестселлером Э. де Сото о ситуации в Лиме, столице Перу.

Поучителен опыт Боливии в формализации прав собственности на леса (ср. 11). В 1996 г. в Боливии было децентрализовано управление лесами, и у экономических агентов (в том числе фермеров) появилась возможность получить формальные права собственности на лесные ресурсы. Все либерально мыслящие аналитики оценили этот

¹⁰ Очень похожие выводы о важности качества институтов делают российские ученые применительно к «ресурсному проклятию». Используя схожую идею кросснационального исследования и технику регрессионного анализа, они показывают, что «ресурсное проклятие» работает только при низком качестве институтов (Полтерович В., Попов В., Тонис А. Экономическая политика, качество институтов и механизмы «ресурсного проклятия». М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007).

шаг как исключительно положительный. Но практика показала его неоднозначность.

Воспользовались правом легализовать собственность на лесные массивы очень немногие. Отчасти дело было в громоздкости формальных требований, выдвигаемых властью. Важную роль сыграла также политика государства по поддержке растениеводства и животноводства, что ослабляло желание людей иметь права собственности на лес. К тому же государственная политика по сокращению зоны неформальности в лесопользовании не сопровождалась акциями на поле массмедиа, судебных процессов и проч.

Но главное, что в условиях экономической и политической нестабильности получившие право собственности крестьяне стремились побыстрее извлечь прибыль из этой собственности, а не выстроить долговременную стратегию использования леса. Де-факто произошло снижение стимулов к инвестированию в лесное хозяйство. Таким образом, установление формальных прав собственности на лес оказалось недостаточным для превращения лесоводства в успешную коммерческую отрасль.

Заключение

Книга в очередной раз показала, что в современной науке дискуссии, посвященные неформальной экономике, кристаллизуются вокруг трех традиций:

- *дуализм* предполагает изучение внутренних закономерностей развития неформального сектора, слабо связанного с формальной экономикой. Обычным сюжетом таких исследований является обоснование помощи неформальному сектору в виде кредитов, обучающих программ и проч. Связь с государственным регулированием в целом не рассматривается;
- *функционализм* делает акцент на характере связи формальной и неформальной экономики как элементов единой системы. Конкуренция между этими экономиками рассматривается как основная движущая сила расширяющейся неформальности в мире. Именно конкуренция вынуждает фирмы формального сектора уменьшать издержки за счет привлечения неформальных работников и включать неформальные фирмы в стоимостные цепи (вертикальные связи создания продукта) через систему субконтрактных отношений. В этой традиции звучит

призыв к государству регулировать «неравные» коммерческие отношения между крупными фирмами и мелкими субподрядчиками, а также трудовые отношения, возникающие в этом тандеме;

- *легализм* проблематизирует связи неформальных предприятий с формальной регулятивной средой, а не с формальными фирмами. Утверждается, что ужесточение государственных норм в экономике затрудняет развитие бизнеса и стимулирует предпринимателей «взламывать» формальные правила игры, уходя в неформальное экономическое пространство. Соизмерение «цены подчинения закону» и «цены избегания закона» трактуется как основа процессов теневизации и легализации бизнеса. Государственное дерегулирование создает стимулы для легализации неформалов, привлеченных необременительностью формальных институтов.

Данная книга — это панорама летописей неформальности беднейших стран мира, выполненных в разных традициях — от дуализма до легализма. Более широкого сборника эмпирических исследований (как в географическом, так и в методологическом смысле) я не знаю. Но большую ценность, на мой взгляд, книга представляет как каталог исследовательских подходов, принципиально различающихся с точки зрения проблематизации неформальной экономики. Она дает возможность систематизировать историю и логику развития исследований неформальной экономики, выявить сложившиеся подходы к ее изучению. Хочется надеяться, что это поможет многим авторам идентифицировать себя в исследовательском пространстве, осознать возможности и ограничения выбранной исследовательской оптики, ориентироваться в многообразии исследовательских позиций.

Про коррупцию, или Как не стать смешным идадьго, принимая ветряные мельницы за великанов

Борьба с ветряными мельницами? Социально-антропологический подход к исследованию коррупции / сост. и отв. ред. И.Б. Олимпиева, О.В. Паченков. СПб.: Алетейя, 2007.

Очередной книгой о коррупции удивить трудно. Но эта книга достойна того, чтобы ее заметили. Хитроумный идадьго, который сражался с великанами, оказавшимися ветряными мельницами, — точная метафора антикоррупционной битвы. Не то чтобы победить было нельзя, но хотелось бы знать — кого. Устройство мельниц отличается от физиологии великанов, да и вреда от них меньше... Против борьбы с ветряными мельницами в данном случае восстали антропологи.

Основное чувство от прочтения книги — подтверждение смутно осознаваемого. В результате картинка размылась окончательно. *Коррупция относится к тем феноменам, о которых суждение тем яснее, чем менее оно подкреплено размышлениями.*

Книга составлена как сборник статей. Здесь и эпатажное сравнение представления о коррупции в Латвии с верой в колдовство (К. Седлениекс); и довольно безобидное по форме, но убийственное по содержанию раскрытие организационной кухни антикоррупционной политики на Балканах (С. Сэмпсон); и «коррупционный комплекс», погруженный в практики дарения и сетевой солидарности, в странах Западной Африки (О. де Сардан); и различие коррупции как агрессивной стратегии и как защитного маневра российского бизнеса (И. Олимпиева, О. Паченков); и жалостливая зарисовка о разрываю-

щемся между служебным долгом и социальными нормами чиновники из Малави (Г. Андерс); и попытка систематизировать антропологический взгляд на коррупцию (Т.К. Сиссенер).

Честно говоря, статьи не равноценны. Работа «грандмастера» Дж. Скотта, на мой взгляд, основная и лучшая. Возможно, это впечатление связано с собственными поисками, которые Скотт значительно облегчил. Аналитическая перспектива Скотта (коррупция как политический процесс) так и просится, чтобы ее применили к России. Что я и постараюсь сделать.

Авторы, лишь изредка ссылаясь друг на друга, перекликаются идейно. Статьи объединены сомнением в правомерности господствующих внеисторических и внекультурных «знаний» о коррупции. Свободная от обличительного пафоса книга помогает думать. Кому как не антропологам знать, что чужого знания не бывает.

Коррупция в развивающихся странах, или О чем говорят международные рейтинги

Распространено мнение, что коррупция — это признак отсталости страны. Эмпирическим доказательством служат бьющие все рекорды индексы коррупции в развивающихся странах. Недалеко ушла и Россия, которую на этом (в том числе) основании часто относят к третьему миру¹. Но стоит вспомнить, каким долгим был путь европейских стран к разделению публичной и приватной сфер, к формированию рациональной бюрократии². Еще полтора века назад государственные должности в Европе можно было заложить, дать в приданое, купить, а зачастую и унаследовать. Например, в Испании посты в колониях выставляли на официальные аукционы. Голландский чиновник оплачивал «лицензию на занятие должности» в колониальной Багавии и окупал затраченные средства, фактически торгуя условиями проникновения в колонию голландского бизнеса. Английская корона продавала огромное количество синекур. «Как минимум до середины XIX в. в большинстве западных обществ “учреждение»

¹ Дискуссия о правомерности причисления России к третьему миру систематизирована в: Барсукова С. Принадлежит ли Россия к третьему миру? // Полис. 2000. № 4. С. 60–71.

² См.: Барсукова С. Приватное и публичное: диалектика диспозиции // Полис. 1999. № 1. С. 137–147.

или “офис” рассматривались как частная собственность» (Сиссенер, с. 59). Частная собственность должна приносить прибыль. Государственная должность при умелой постановке дела прибыль приносила немалую. Но никто не называл это коррупцией. Соответствующие практики либо были законными, либо трактовались законом весьма двусмысленно. Лишь в конце XIX в. начали формироваться этические, организационные и политико-правовые основы толкования коррупции как использования государственной должности в личных целях. Новые правовые стандарты несения государственной службы закрепили это толкование.

Развивающимся странам предложили пройти этот путь одновременно, практически со дня оформления их национальной независимости. Многие государства (в частности, в Африке) создавались росчерком пера колонизаторов и получали в качестве бонуса готовый пакет законодательных норм. А поскольку Запад объявил крестовый поход против коррупции, развивающиеся страны, дабы не навлечь на себя гнев и не лишиться помощи Мирового банка, вынуждены были принять самые жесткие стандарты разделения публичного и приватного. «...Развивающиеся страны в полной мере облачились в доспехи законов и правил, которые родились в ходе долгой борьбы за реформы на Западе и стали их воплощением» (Скотт, с. 23). Судьбу этих законов, точнее, принципы их применения легко можно представить, не покидая Садового кольца. Социальные логики переварили «пришлые» законы в кашу неформальных практик, еще раз доказав, что игнорирование подобных законов — не следствие варварства страны, а свидетельство их искусственности в контексте культурных норм развивающихся стран. Коррупция не-Запада — результат замера ситуации западными мерками. Использование единых лекал при оценке разных исторических и культурных сущностей — занятие бессмысленное, хотя и эффективное, поскольку ошеломляющие результаты гарантированы. Смысл этих рейтингов в одном: негативный образ третьего мира методом «от противного» формирует идеологему западного законопослушания.

Не будем улубляться в обсуждение того, способны ли «доспехи законов и правил», снятые с чужого плеча, помочь в создании эффективной экономики и многопартийной демократии (многие вообще верят в неразрывность этих добродетелей). Ограничимся обсуждением коррупции. Вынуждена огорчить читателя. Нет ни логических, ни эмпирических доказательств того, что многопартийная демократия форми-

рует менее коррумпированную систему власти, чем, скажем, военная диктатура или однопартийный режим. Различие не в масштабах, но в форме, субъектах, механизмах и целях коррупционных отношений, а также в системе противовесов распространению коррупции.

Но уж если считать многопартийную демократию благом не инструментальным, а ценностным и объявлять построение таковой самоцелью, то нельзя забывать, что именно коррупция партийных боссов (при оценке их поведения по современным критериям) помогла партиям начала XX в. утвердиться в роли выразителей интересов различных групп общества. Вспомним работы М. Дюверже и М. Острогорского. Именно торговля партийными мандатами и абсолютно неприкрытая зависимость позиции депутата от денежного вознаграждения позволили партиям стать мощным каналом связи между властью и бизнесом. Партии были «машинами» по продавливанию оплаченных решений. Со временем процесс принял более упорядоченный характер: бизнес начал говорить устами ассоциаций, а партии приобрели «специализацию», т.е. стали братья за отстаивание не любых решений, а только соответствующих их политическому имиджу. Часть практик легализовалась в форме законов о лоббировании и правил финансирования политических партий, а часть — ушла в тень.

Известно, что финансовая мощь укрепляет партию, обеспечивая ей приток новых членов. «...Партии часто необходим значительный запас благ, способный путем распределения сплотить ее ряды и преодолеть центробежные силы этнического, семейного, регионального и т.п. характера» (Скотт, с. 46). Приверженность определенной идеологии смягчает эту тенденцию, но не аннулирует ее. К тому же без внушительных финансовых вливаний невозможно победить на выборах. «Когда скачки приближаются к финишу, значимость дополнительного доллара осознается все отчетливее» (Там же, с. 47). Долгие годы в трояственном диалоге между властью, бизнесом и электоратом на Западе совершенно легально и массово использовались практики, позднее получившие статус коррупционных.

Странам, где процесс партийного строительства начался существенно позже, сразу предложили играть по новым правилам. «Индийский, малазийский или нигерийский политик оказывается благодаря закону лишенным большей части прибыли, которая помогала строительству сильных партий в Англии и США» (Там же, с. 23). Между тем ситуация в современных развивающихся странах очень напоминает ту, что сложилась в Америке на заре партий-

ного строительства (т.е. в конце XIX — начале XX в.). Речь идет о всеобщем избирательном праве в условиях, когда крупный бизнес уже сформирован, а в электорате доминируют семейные и этнические идентичности. При отсутствии у избирателей классового или профессионально-группового самосознания и их низкой заинтересованности в политике наиболее действенными оказываются краткосрочные стимулы. Это может быть как откровенная покупка голосов, так и абсолютно законная практика дележа «казенного пирога». Примером последней служат проекты развития, скажем, сельского хозяйства, образования или здравоохранения, нацеленные не столько на решение реальных проблем этих отраслей, сколько на привлечение симпатий определенной части электората. Маневренность зарождающихся партий в третьем мире значительно ниже той, которой в сходных условиях обладали партийные «машины» Европы и США. Партийная коррупция начала XX в. помогла отстроить многопартийную систему, примкнувшую к антикоррупционной коалиции. От развивающихся стран ждут успехов партийного строительства под присмотром антикоррупционных сил.

Наконец, высокие показатели коррупции в ряде развивающихся стран связаны с обширностью общественного сектора. Дело в том, что правовое определение коррупции однозначно указывает на ее локализацию в публичной сфере. Так, если политик или бюрократ за вознаграждение отдаст победу в тендере какой-то фирме, ни у кого не будет сомнений, что имеет место коррупция. Если же аналогичное действие совершит управляющий или служащий частной компании, то коррупцию не усмотрит ни закон, ни обыватель. Чиновник (политик) будет наказан законом, корыстный менеджер — рынком. Правда, упущенная прибыль может стать предметом разбирательств с начальством или с акционерами, но статистика коррупции этим не пополнится. А ведь мы сталкиваемся здесь с поразительно схожими действиями. К тому же чиновник в качестве взятки обычно получает часть разницы между рыночной и фиксированной стоимостью его услуг, т.е. налицо рыночная логика его поступка. Тем не менее с правовой точки зрения между чиновником и руководителем фирмы, обманывающим акционеров, будет непроходимая пропасть. «Лавры» коррупционера достанутся исключительно чиновнику. Отсюда простой вывод: «чем больше относительный размер и масштаб государственного сектора, тем большая доля подобных действий относится с юридической точки зрения к разряду коррупционных» (Скотт, с. 25). Остается вспомнить,

что государственный сектор во многих развивающихся странах обширнее, чем на Западе.

Важно и то, что в развивающихся странах коррупция неотделима от социальных практик, сводящихся к императивам: торговаться, одаривать, помогать. Именно им коррупция обязана культурной оправданностью и рутинизацией.

Торг ведется не только по поводу цены, но и по поводу правил ее установления. Западная трактовка взятки как коммодифицированной формы переговоров дополняется борьбой за выбор правового регистра, лимитирующего стоимость транзакций. Поскольку все три регистра (доколониальный, колониальный и периода независимости), наряду с воплощающими их формами власти, сосуществуют, размер взятки оказывается гораздо вариативнее, а поиск каналов ее использования — сложнее. В объекты торга превращаются «правила, их применимость и способ интерпретации» (Сардан, с. 101). Искусство маневра в условиях нормативного плюрализма повышает экономический эффект торга по сравнению с западным вариантом.

Одаривание предписано в таком количестве ситуаций, что подарок становится элементом целого спектра взаимодействий. Если нельзя оставить без подарка человека, принесшего хорошую весть, свидетеля важной сделки, женщину, заплетающую косу или занятую коллективной работой, то было бы странно не одарить «вошедшего в положение» чиновника. В странах, где дары обслуживают широкие смысловые диапазоны отношений, отделить взятку от культурно предписанного одаривания вряд ли получится. «Огромное разнообразие подарков в повседневной практике оставляет пространство для того, чтобы незаконные подарки затерялись в общей массе» (Там же, с. 106). Граница между коррупцией и каждодневными практиками делается весьма условной. Скорее можно говорить о континууме состояний, нежели о бинарной логике.

Помогать членам своей социальной сети — это одновременно и тяжелое бремя, и способ формирования социального капитала. Специфика не-Запада состоит в сохранности отношений соседства, в значимости родственных и приятельских связей. Западный мир породил формулу: «Это ни к чему не обязывает». Не-Запад живет в системе, когда обязывает все и всегда. «Круг лиц, по отношению к которым индивид чувствует свои обязательства, оказывается удивительно огромным. Нужно добавить и обратное: есть огромное число лиц, которым можно позвонить в случае чего» (Там же, с. 107). В нищей стране государственный

служащий, обладающий определенными преимуществами, автоматически «становится мишенью для бедных родственников» (Андерс, с. 123). Взятка выступает крайним средством, следствием дефицита социального капитала. В этих условиях чиновник оказывается между жерновами формальных требований, с одной стороны, и неформальных норм помощи — с другой. Последние подкрепляются боязнью социальной изоляции и, что немаловажно, колдовства. Работает «логика перераспределительного накопления» (Сардан, с. 110). Порицается только то аккумулятивное богатство, которое не служит ресурсом сети³.

Добавлю, что именно просвещенный Запад оставил бывшим колониям в качестве культурного наследия «логику хищнической власти». Метрополии не очень заботились о реализации модели рациональной бюрократии где-нибудь на берегах Конго. В период холодной войны о коррупции в бывших колониях тоже не вспоминали, рассматривая третий мир как арену политического соревнования двух систем. И только когда мир стал однополярным, коррупционность не-Запада стала вызывать тревогу «старших товарищей», превратившись, по сути, в инструмент идеологического давления.

Коррупция в России как политический процесс, или Чем различается коррупция «на входе» и «на выходе» из законодательного пространства

Почему в России власть коррумпирована?⁴ Среди причин, как правило, называют неэффективность управленческого аппарата, неадекватность законов и культурное противопоставление закона и обычного права. Попробуем поразмышлять в рамках логики, предложенной Дж. Скоттом. Суть его позиции сводится к утверждению: коррупция — это политический процесс.

³ Характерно, что в одном из африканских языков существует два глагола, которые переводятся как «грабить»: воровство, приносящее выгоду только грабителю, безусловно осуждается, тогда как воровство, вызывающее перераспределительные ассоциации, оценивается неоднозначно и в ряде контекстов полностью оправдывается (Андерс, с. 130).

⁴ По Индексу восприятия коррупции, разработанному Transparency International для измерения уровня коррупции в странах мира, Россия в 2014 г. занимала 136-е место, поделив его с Нигерией и Камеруном (<http://www.transparency.org.ru>).

Понимание власти и богатства как разновидностей капитала предписывает поиск каналов их взаимной конвертации. «Проницаемость» власти для богатства может быть вполне легальной. Покупка английским мелкопоместным дворянином звания пэра в XVIII в. или финансирование политической партии в XXI в. — лишь разные пути достижения экономической элитой политического влияния. Однако не для всех эти пути открыты. Легальную трансформацию экономического капитала во властный ресурс могут ограничивать этнические, религиозные, клановые и прочие факторы. Каналы политического влияния, заблокированные на «входе» в законодательное пространство, неизбежно образуются на «выходе» из него. *Политика — это реализация интересов экономических агентов не только в процессе принятия закона, но и на стадии его исполнения.* В последнем случае реализация этих интересов зачастую приобретает форму коррупции, которая является эффективным средством фактического изменения формальных правил. Скажем, утаивание от проверяющих органов истинных размеров пахотных земель де-факто ведет к такому же снижению налогов, что и изменение налогового кодекса. Борьба за «правильный», с точки зрения фермера, закон может оказаться более обременительной, нежели откупные проверяющему чиновнику. Коррупция в данном случае служит оптимизации издержек.

Коррупция «на выходе» из законодательного пространства. В России, как известно, нет сколько-нибудь явных ограничений (кастовых, сословных, гендерных и т.п.) на представительство во власти. Так что же заставляет отечественных экономических агентов отстаивать свои интересы на стадии не принятия закона, а его исполнения? На мой взгляд, существуют четыре основные причины, по которым вместо участия в формировании закона экономические агенты предпочитают реагировать (в том числе коррупционными схемами) на уже принятый закон.

Во-первых, множество субъектов с близкими экономическими интересами в России не тождественно группам интересов. Помимо дефицита организационных навыков сказывается мозаичность идентичностей, препятствующая совместным действиям. Характерный пример — частные застройщики, возводящие подмосковные коттеджи. Практически все они используют труд мигрантов, преимущественно нелегальных. Держится эта система на регулярных поборах со стороны сельской милиции. Разобщенность застройщиков, равно как и высокая стоимость их времени, мешает им совместно выступить за

изменение миграционного законодательства. Но, давая работу нелегалам и взятки милиционерам, застройщики де-факто меняют миграционную политику России.

Во-вторых, в ситуации слабого принуждения к исполнению закона дешевле откупиться от «плохого» закона, чем вложиться в создание «хорошего», тем более что «на подкуп чиновников для исполнения благоприятных законов» предпринимателям придется истратить не меньше, чем на противодействие «исполнению неблагоприятных» (Скотт, с. 34). Стало банальностью, что в России неадекватность законов компенсируется необязательностью их исполнения. Так, налоги велики, но эффективная ставка налогообложения вполне посылна. Зазор порождает коррупцию налоговых органов, что можно расценивать как корректировку налоговой политики посредством влияния не на принятие законов, а на их исполнение.

Во-третьих, частая смена законодательства обесценивает усилия по его формированию. Постоянные законодательные новации, в свою очередь, свидетельствуют о неустойчивости экономического курса, о внутренней борьбе среди представителей власти, об отсутствии экспертизы принимаемых решений. Как правило, все это характерно для переходных периодов. Когда в России правительства менялись чаще, чем игрушки у избалованного ребенка, трудно было ожидать от здравомыслящих предпринимателей открытого финансирования лоббистской практики: рациональнее было коррумпилировать пространство деятельности.

Во-четвертых, существуют группы, по тем или иным причинам стигматизированные в общественном сознании, которые стараются не привлекать внимания к своей деятельности, коррупционными схемами расширяя пространство возможностей. В частности, это относится к этническим предпринимателям, которые в условиях недоброжелательного отношения «местного» населения и политизации темы миграции предпочитают уйти с публичной арены. «Было бы глупо и даже самоубийственно для этих “отверженных” капиталистов стремиться к открытому влиянию с помощью организованных групп давления. Трезвый взгляд на свою собственность и цвет кожи побуждает их полагаться на взятки чиновникам, занимающим стратегические посты» (Там же, с. 35).

В итоге в России для многих групп интересов уменьшение издержек достигается воздействием на закон на стадии его исполнения, что предполагает коррупцию исполнительной власти и органов государ-

ственного надзора. В этой логике антикоррупционная борьба должна «бить» не по следствиям, а по причинам, т.е. преодолевать неразвитость самосознания, усиливать связь между законом и его исполнением, сокращать число миноритарных групп, исключенных из политического процесса. Согласитесь, в рамках антикоррупционной кампании этих задач не решить (и даже не поставить), что предопределяет ее безрезультатность.

Более того, даже если демократия достигнет логического предела и у всего движущегося появится возможность (и желание) публично отстаивать свои интересы, останется проблема их рейтинговой упорядоченности. Задвинутые в «конец списка» интересы будут предъявлены к реализации «с черного хода», т.е. примут участие в политическом процессе, коррумпируя исполнение закона.

Коррупция «на входе» в законодательное пространство. Коррупция «на входе» — это нелегальные способы влияния групп интересов на принятие законодательных решений. Техники используются самые разные — от банальной покупки голосов избирателей до теневого финансирования политических партий, от «откатов» членам правительства до проплаченного участия населения в митингах⁵. В этом смысле демократия — это не отмена коррупции, но лишь возможность частичного переноса борьбы экономических субъектов за свои интересы на уровень законодательной власти (что не означает отсутствия коррупции в процессе этой борьбы).

Фактически речь идет о транзакциях, позволяющих группам интересов обменивать материальные блага на решения законодательной власти. При этом деление таких транзакций на коррупционные и добропорядочные зависит исключительно от юридических норм участия бизнеса в политике. Скажем, взятка членам политсовета в обмен на место в партийном списке — это коррупция. А финансирование партии под обещанное место в том же списке — легальная практика. «Правильное» голосование депутатов, партия которых спонсируется определенной финансовой группой, называется партийной дисциплиной, тогда как оплата голосов в индивидуальном порядке тянет на коррупционный скандал. Цель и даже масштабы транзакции, заметьте, могут совпадать.

Скотт приводит пример Японии и Таиланда. Состоятельные бизнес-элиты Японии создали ассоциации, которые аккумулируют вклады

⁵ Объявление на заборе в Москве: «Участие в митингах и пикетах. Работа в вечернее время и выходные дни».

фирм-участниц и перечисляют их на нужды Либерально-демократической партии. Партия, несомненно, реагирует на эту помощь в процессе законотворчества. В Таиланде же бизнес-элита состоит преимущественно из китайцев, которые на правах иностранцев не могут спонсировать политическую систему. Китайский бизнес реализует свой интерес, коррумпируя тайскую власть. В диалоге власти и бизнеса Россия фактически выбирает путь между Японией и Таиландом.

Но выбор этот имеет существенные ограничения. Во-первых, технологии избирательных кампаний эффективны только при наличии неучтенных (теневых) средств; во-вторых, политический климат в стране удерживает бизнес от публичной финансовой поддержки оппозиционных партий⁶. В результате мы имеем то, что, используя предложенный В. Гельманом образ, можно назвать «айсбергом» политического финансирования. Однако теневое финансирование выборных кампаний и деятельности политических партий — феномен не только российский. Страны, являющиеся образцом соревновательной многопартийности, не избежали теневизации борьбы за законодательную власть⁷.

Российская динамика, или Что дает понимание коррупционных практик

Анализ коррупции как политического процесса позволяет высказать ряд суждений более широкого плана о российской динамике.

1. *Привычное деление бизнеса на малый, средний и крупный дифференцирует фирмы в России по доступной им форме политического участия.* В данном случае важен не размер бизнеса сам по себе, а такие его «производные», как экономические возможности, способность к

⁶ Подробнее см.: Барсукова С., Звягинцев В. Механизм «политического инвестирования», или Как и зачем бизнес участвует в выборах и оплачивает партийную жизнь // Полис. 2006. № 2. С. 110–121.

⁷ В 1974 г., в ходе Уотергейтского скандала, повлекшего отставку президента США Ричарда Никсона, были вскрыты случаи незаконных финансовых пожертвований на политические цели со стороны крупных американских корпораций. А в декабре 1999 г. разразился скандал по поводу так называемых «черных фондов» христианских демократов, задевший имя бывшего канцлера ФРГ Гельмута Коля (Бондаренко С. Коррумпированные общества. Ростов н/Д: ОАО «Ростиздат», 2002. С. 167–168).

консолидации, организационные навыки лидеров, «обозримость» и устойчивость основных игроков и, не в последнюю очередь, временной горизонт планов развития. По всем этим показателям крупный бизнес резко отличается от малого. Так, последние годы были отмечены бурным ассоциированием крупного бизнеса, втягивающим в свою воронку бизнес средний, в то время как немногочисленные примеры консолидации малого бизнеса при внимательном рассмотрении обычно оказываются инициативой отнюдь не предпринимателей. Существенно и то, что на фоне сохранения стабильного ядра крупного бизнеса происходит активная ротация мелких предпринимателей. В этой ситуации представляется вполне естественным, что политическое участие малого бизнеса ограничено реакцией на предлагаемые условия, т.е. обильной и разнообразной коррупцией на стадии исполнения закона. Крупный бизнес пытается формировать условия своего развития, а не приспосабливаться к существующим. Для этого он участвует в принятии законов, пытается придать решениям законодательной власти ту направленность, которая наиболее полно соответствует его интересам. В ход идут как легальные, так и теневые средства. Если коррупция в среде малого бизнеса мотивирована идеей выживания, то коррупция, практикуемая бизнесом крупным, нацелена на повышение его прибыльности через доступ к ресурсу власти.

2. Тип политической системы не упраздняет коррупцию, но определяет соотношение интересов, защищаемых «на входе» в законодательное пространство и «на выходе» из него. Соревновательная многопартийность создает инфраструктуру для выражения интересов экономических агентов в процессе законотворчества. «Партийная система легитимирует отдельные модели влияния, которые могут проявляться лишь в форме коррупции при (нетрадиционной) бюрократии» (Скотт, с. 43). Но обеспечивать политическое продвижение своих интересов методами партийных батальев способны лишь достаточно консолидированные и финансово состоятельные группы. Это означает, что для некоторых групп единственной возможностью защитить свои интересы остается коррупция исполнительной власти и практик правоприменения. Иначе говоря, многопартийность — это не панацея против коррупции, а лишь смещение центра переговоров между властью и группами интересов на уровень формальных институтов (в том числе с использованием коррупционных схем). В свою очередь, любое директивное сокращение партийного представительства влечет

за собой коррупционную деформализацию законов на стадии их исполнения.

3. Многопартийная демократия порождает электоральную коррупцию с той же неизбежностью, что диктатура — коррупцию бюрократическую⁸. Еще совсем недавно коррупционные схемы электоральных побед были рутиной для любого политтехнолога. Борьба групп влияния за представительство в легислатурах не обходилась без подкупа членов избиркомов, подкладывавших в урны неиспользованные бюллетени, без привлечения силовых структур для давления на политических конкурентов, без взяток руководителям телеканалов и радиоэфиров и т.д. Замечу, что степень электоральной коррупции растет по мере превращения действий должностных лиц в объект рыночного торга. Альтернативой торгу является принуждение, физическое или административное. К первому прибегает криминалитет, ко второму — действующая власть. Специфика переживаемого момента состоит в том, что использование должностных полномочий как ресурса электоральных побед все больше становится производной от административного, а не финансового влияния на ситуацию. И силовики, и председатели избиркомов по-прежнему могут влиять (и влияют) на исходы выборов, но склонить их к соответствующим действиям с помощью взятки оказывается все сложнее. Место торга занимает приказ (что не означает отсутствия подношений за его исполнение). Сохранение декоративной многопартийности с predetermined результатом голосования ведет к сокращению электоральной коррупции и переносу борьбы на уровень административных согласований.

4. Новые схемы влияния на законодательную власть отличаются тем, что возможность прибегнуть к ним резко ограничена. «Рыночную» коррупцию на электоральном поле постепенно заменяет «местническая» (термин Дж. Скотта), которая «представляет собой договоренность, основанную на критериях происхождения и индивидуальных характеристик» (Скотт, с. 39). В отличие от рыночной, «местническая» коррупция доступна узкому кругу лиц. Политический проект федерального центра определяет спектр политических сил (и стоящих за ними групп интересов), допущенных к электоральной коррупции. Кстати, именно по этой причине и ширятся ряды борцов

⁸ «Электоральная коррупция связана с демократией точно так же, как черный рынок связан с бюрократическими формами контроля экономического обмена» (Сардан, с. 97).

с этим явлением. Рост осуждения электоральной коррупции вызван, помимо прочего, сокращением числа допущенных к ней.

Группам интересов, не прошедшим фильтр административных согласований, остается сконцентрироваться на правоприменении. Сокращение электоральной коррупции «уравновешивается» усилением коррупции на уровне министерств и ведомств (проплаченные назначения на должности, «откаты» в обмен на заключение контрактов с государством, победа в тендерах «своих» фирм и проч.). Проектирование политического ландшафта неизбежно сопровождается коррумпированием правоприменения.

5. *Интенсивность эксплуатации коррупционного дискурса слабо связана с масштабами явления.* Возникла целая индустрия измерения коррупции. Последний доклад Общественной палаты РФ, выделяя четыре типа коррупции (бытовую, политическую, судебноправоохранительную и коррупцию в органах власти), в качестве наиболее масштабной и опасной для общества называет именно последнюю. Так считают эксперты и простые люди. Им виднее. Выскажу лишь пару скептических замечаний. Самое удачное из когда-либо встречавшихся мне определений коррупции звучит так: «Коррупция — это то, чем занимаюсь не я»⁹. Простые граждане, удаленные от верхних этажей власти, убеждены в том, что именно «там» находится рассадник коррупции. Следует учитывать и то, что коррупция — уникальная объяснительная схема, которая может опираться на противоположные факты. Коррупционные скандалы и полное их отсутствие равно укрепляют уверенность в масштабности явления. Отсутствие коррупционных разоблачений, как это ни странно, только подтверждает мнение о коррумпированности «верхов» («рука руку моет...»). В этой ситуации высокие экспертные оценки коррупции фиксируют не столько само явление, сколько веру в его реальность, уровень озабоченности им. Эти оценки показывают, насколько интенсивно эксплуатируется дискурс коррупции для объяснения происходящего в стране. Причин тому много.

На коррупцию удобно «списывать» неэффективность экономической политики. Кроме того, коррупционные разоблачения — безотказное оружие в борьбе с политическими противниками. Но главное в другом. На мой взгляд, образ «коррупции в верхах» как воплощенные модели «захвата государства» бизнесом играет роль дымовой за-

весы, скрывающей кардинальную смену курса и переход к «захвату бизнеса» государством. В новых условиях подношения бизнеса неверно трактовать в терминах коррупции, ибо они системно встроены в единую властно-экономическую вертикаль нового российского порядка. Российский крупный бизнес покупает не право использовать власть в своих интересах (суть коррупции), а место в системе «власть—собственность» и делает это с видимой добровольностью, потому что боится оказаться среди тех, кому не хватит места в этой системе.

⁹ Это меткое замечание принадлежит О. де Сардану (Сардан, с. 97).